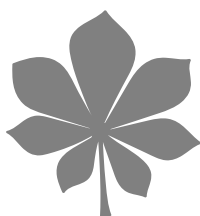

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

Джейн Эйр

Москва
2022

МУЖЕСТВО ТАЛАНТА

Первое упоминание о Хауорте, сельском пасторате в графстве Йоркшир, относится к концу XII века. Сейчас, в начале XXI, Хауорт — всемирно известный Мемориальный центр сестер Бронте, который ежегодно посещают тысячи почитателей творчества Шарлотты, Эмили и Анны. Начало массовому паломничеству положило создание в 1893 году Общества Бронте, организованного небольшой группой энтузиастов. В 1928 году на благотворительные пожертвования Обществу удалось выкупить у последних владельцев пасторский дом, в котором некогда жили Бронте, и теперь там находится прекрасный музей, где с преданной любовью и научной тщательностью воспроизведена обстановка. Там жили и творили сестры-писательницы.

Каждый год в июне на общее собрание и поминальную службу в Хауорт почти из всех стран мира съезжаются члены Общества и многочисленные туристы. По Главной улице, преодолевая довольно крутой подъем, толпа взбирается к церкви Архангела Михаила и Всех Святых, и трудно представить, что в 1847–1848 годах, когда были опубликованы романы «Джейн Эйр», «Грозовой перевал» и «Эгнес Грей», эта улица бывала пустынной, а Хауорт все еще оставался глухим, отрезанным от внешнего мира провинциальным селением.

Что же влечет туристов в сегодняшний Хауорт? Прежде всего легенда о трех романтических затворницах-сестрах «не от мира сего», которых снедали жажда творческого самовыражения и смертельный недуг (туберкулез). Может быть, поэтому большая часть почитателей сразу устремляется в церковь, где в апсиде, под каменными плитами пола, похоронена почти вся пасторская семья. Скорбный перечень открывает мать, Мария Бронте. Далее следуют имена детей: Мария, Элизабет, Патрик Брэнзуэлл, Эмили

Джейн, Шарлотта — и завершает перечень его преподобие Патрик Бронте, переживший всех своих чад, в том числе и самую младшую дочь, Анну, которая умерла в Скарборо и там похоронена.

Из церкви паломники направляются в скромный пасторский дом. Справа от входа — кабинет мистера Бронте, слева — столовая с темно-красными занавесями. У правой стены стоит диван, на котором умерла Эмили. На стенах портреты: Шарлотты кисти Д. Ричмонда (оригинал находится в Национальной галерее) и У. Теккерея — ее любимого писателя. Наверху — спальни. В той, где умерла Шарлотта, в стеклянных витринах ее платья и неправдоподобно маленькие туфли, перчатки и чепчики: она была миниатюрна, ростом всего 1 метр 45 сантиметров. Здесь, на втором этаже, есть еще одна маленькая спальня — бывшая детская. В этой комнате на узкой низенькой постели иногда сидела юная Шарлотта, глядя в окно на угрюмое старинное кладбище. Посетители смотрят туда же и настраиваются на грустный лад. Вот так же, думают они, Шарлотта (и Эмили, и Анна) с дрожью взирали на поросшие мхом и лишайниками надгробия и размышляли о бренности бытия. Сразу же оговоримся: далеко не всегда. Мысли их, особенно Шарлотты и Эмили, бывали совсем иного свойства.

Шарлотте было четыре, когда в 1820 году отец получил назначение в этот йоркширский приход и перевез сюда семью, и здесь от мучительной болезни вскоре умерла его жена. Старшей дочери, Марии, исполнилось семь, младшей, Анне, — всего несколько месяцев.

Властный, эгоцентричный, превыше всего ценивший комфорт и покой, пастор Бронте редко покидал кабинет, где вкушал одинокие трапезы и готовил проповеди. Однако иногда он выходил к детям в столовую и наблюдал их необычные игры. Нередко они спорили, кто самый доблестный военачальник из всех: «герцог Веллингтон, Буонапарте, Ганнибал или Цезарь». Когда спор становился чересчур, по его мнению, громким, он «умиротворял» их. Иногда пастор и сам снисходил до «игры» и задавал детям совсем не детские вопросы. Так однажды он спросил Шарлотту: «Какая книга лучшая в мире?» — «Библия», — ответила она. «А еще?» — «Книга Природы».

Патрик Бронте не раз убеждался, что его дети гораздо способнее и умнее своих сверстников. Тем более его беспокоила будущность дочерей. Если они не выйдут замуж, им придется служить гувернантками или учительницами. Значит, надо дать девочкам хорошее образование. Узнав о существовании недорогого пансиона для дочерей священнослужителей, он отправил туда Марию

и Элизабет, а через несколько недель и Шарлотту. Пребывание в Коуэн-Бридж стало бедствием для сестер Бронте. Здесь было очень голодно и холодно, здесь буквально травили Марию — за рассеянность и «неаккуратность» — и довели старших сестер Шарлотты до скоротечной чахотки.

После смерти Марии и Элизабет пастор Бронте стал осмотрительнее и отдал Шарлотту в Роухедскую школу сестер Вулер, где с учениками обращались более гуманно. Молчаливая и необщительная, Шарлотта была воплощением трудолюбия и чувства долга и скоро стала лучшей ученицей в школе. Несмотря на замкнутость, она приобрела здесь двух верных друзей — и на всю жизнь. То была смелая, порывистая Мэри Тэйлор и рассудительная, набожная Эллен Насси. В Роухеде Шарлотта провела полтора года и научилась всему, что в те времена требовалось от гувернантки: а это грамматика, арифметика, изящное рукоделие, рисование и французский язык. Дома ее ждали Эмили и Анна, всегда готовые учиться, когда не пребывали в своей воображаемой стране Гондал, о которой они сочиняли стихи и саги. Шарлотта и Брэнзуэлл тоже обрели страну грез, Ангрию, где совершал геройские, а иногда и преступные деяния своенравный и обольстительный герцог Заморна. Первые литературные труды брата и сестры создавались под явным влиянием поэзии Байрона. Был и другой властитель романтического воображения Шарлотты и Брэнзуэлла — «корсиканское чудовище», Наполеон. Поэтому иногда, сидя в маленькой спальне и глядя в окно, в которое теперь подолгу смотрят туристы, Шарлотта уносилась мечтами в мир ярких вольнолюбивых страстей. Подчас она и сама не знала, что реальнее: однообразная повседневность Хауорта или бурные события, совершавшиеся в фантастической Англии. «Мало кто поверит, — запишет она в дневнике, — что воображаемая радость может доставить столько счастья».

А затем пришло письмо от мисс Вулер. Она предлагала Шарлотте место помощницы в своей школе и, в счет части жалованья, обучение Эмили. Та, однако, оказалась неспособной существовать без Хауорта, где в любой час могла внезапно сорваться в долгую прогулку по вересковым холмам и долинам, и ее место в школе заняла кроткая Анна, которая стала общей любимицей. Шарлотту тоже все больше тяготило пребывание в Роухеде. На рождественских каникулах 1836 года она отправила письмо поэту Роберту Саути. Прилагая к письму свои стихи, девушка почтительно спрашивала, способна ли она стать профессиональной писательницей? Поэт-лауреат был строг. «Литература не может

быть уделом женщины и не должна им быть», — внушал он неизвестной корреспондентке. Однако стихи ему понравились, и он «разрешил»: «Пишите стихи ради них самих, без излишней гордыни, не рассчитывая на славу. Тогда это занятие не повредит ни сердцу вашему, ни уму». По счастью, Шарлотта Бронте совету Саути не последовала. Особенно уязвило ее утверждение, что литература — не женское дело. У нее на этот счет складывалось совсем иное мнение.

В двадцать два года она снова вернулась в Хауорт, но не в Англию. У Шарлотты появился небольшой, однако весьма реальный и прозаический житейский опыт. Заморне с его авантюрами уже не удавалось владеть всеми ее помыслами, но в одном она оставалась ему верна. Ее будущий избранник тоже должен быть своеобразен, оригинален, обаятелен. Поэтому она отвергает предложение брата Эллен, Генри Насси. Генри, став помощником священника, решил, что ему надо жениться, а жену взять такую, которая способна совмещать супружеские обязанности с обучением детей прихожан в церковной школе. Отвечая отказом, Шарлотта пишет: «Я презираю обман и никогда ради того, чтобы обрести почтенное положение замужней дамы и избежать клейма старой девы, не выйду за достойного человека, которого, по моему понятию, не смогу сделать счастливым».

Между прочим, по викторианским понятиям, ей уже полагалось быть «устроенной», она же отказывалась от вполне обеспеченного положения, не имея иной перспективы, кроме нелюбимого труда гувернантки. А работать было необходимо. Брэнзуэлл не оправдывал надежды семьи. Не став, как мечтал, литератором, он занялся живописью в надежде освоить ремесло портретиста, однако художник он был посредственный и постоянной клиентуры не нашел. Брэнзуэлл бездельничал, все чаще его видели в окрестных тавернах, а в поисках вдохновения он постепенно пристрастился к опиуму. Его мало заботила материальная зависимость от отца — не то что сестер. Даже Эмили, с ее органической потребностью жить только в Хауорте, полгода преподавала в пансионе. Анна, стойкая и решительная при всей своей кротости, уже служила гувернанткой и посылала домой мужественные письма. Шарлотта тоже получила предложение знатного семейства Сиджвиков — опекать и учить двоих избалованных сорванцов, мать которых вела себя с ней очень высокомерно. Хозяйке не нравилась застенчивая, но гордая девушка. Шарлотту вскоре рассчитали, и она опять вернулась в Хауорт, где ей неожиданно снова сделали предложение: на этот раз начинающий ирландский

пастор Брайс, и он Шарлотте как будто понравился: был весел и остроумен. Однако слишком скоропалительно он предложил ей руку и сердце, а признанию — так она считала — должна предшествовать длительная и волнующая романтическая прелюдия.

В марте 1841 года она снова в гувернантках. Новая хозяйка держалась мило и приветливо, но требовала от Шарлотты помимо занятий с детьми шитья на них по вечерам, не оставляя ей ни минуты досуга, а Шарлотта уже работала над романом «Эшворт» (к сожалению, незаконченным)¹. И тут ее осенило: что, если три сестры Бронте откроют свою школу? Тогда не надо будет зависеть от чужой воли и капризов. Однако для этого необходимо самим еще поучиться, например усовершенствовать знание французского. На помощь пришла тетушка: она согласилась оплатить (в долг) учебу Шарлотты и Эмили в Брюсселе в пансионе супругов Эгер.

Сначала пансион произвел на сестер хорошее впечатление: помещения просторные, полные света и воздуха; в прекрасном саду цветут розы; сна и еды достаточно. Здесь бы несчастные Мария и Элизабет не зачахли от голода, болезни и черствого обращения. Однако Шарлотта и Эмили принадлежали к протестантской церкви. Воспитанные в суровом пуританском духе, они усмотрели в свободном режиме «растлевающее» влияние католицизма, который, как они считали, всегда идет на уступки плоти в ущерб духу. Но с этой обстановкой Шарлотту примиряло общение с господином Эгером, мужем хозяйки пансиона и преподавателем французской словесности, человеком умным, вспыльчивым, требовательным к тем, в ком он чувствовал способности, — и обаятельным. Прошло полгода, и мадам Эгер, оценив работоспособность сестер Бронте, предложила Шарлотте место учительницы английского языка, а Эмили должна была давать уроки музыки — и это взамен платы за собственное их обучение. Шарлотта и Эмили согласились, но пришла весть о смерти тетушки, и надо было срочно ехать в Англию. Вернулась в Брюссель только Шарлотта, Эмили не захотела больше расставаться с домом.

Рано утром, до занятий, Шарлотта гуляла в саду и нередко встречала господина Эгера, ухаживавшего за розовыми кустами. Он продолжал давать ей уроки французской литературы, она учила его английскому. Время от времени он дарил ей книги, очевидно не придавая этому особого значения, но для Шарлотты эти маленькие знаки внимания были началом новых, неизведан-

¹ См. перевод нескольких глав романа «Эшворт» в издании: *Шарлотта Бронте*. Шерли. Эшворт. М.: Эксмо, 2004. — (2-е издание).

ных отношений, в которых она сама отвела себе роль послушливой и восторженной ученицы. «Рисунком» своих отношений с Эгером Шарлотта воспроизводила тот романтический идеал, который с легкой руки Гёте стал бродячим сюжетом в литературе и вызвал немало подражаний в жизни. Преклонение Миньоны перед Вильгельмом Майстером не только умиляло читательниц, оно казалось высшей формой отношений женщины и мужчины. А разве сам Гёте и юная Беттина фон Арним, преданно устраивающаяся на скамеечке у ног великого Олимпийца, чтобы внимать его мудрым речам, не подали этот идеальный пример отношений Ученицы и Учителя грядущим поколениям романтически настроенных дев?

Однако Шарлотта Бронте страстно полюбила своего Учителя, и это не укрылось от глаз супругов. И вот постепенно прекратились уроки литературы, затем — английского языка. Шарлотта с каждым днем чувствовала себя все более одинокой и несчастной. Учитель явно ее избегал. На помощь приходило воображение. Мысленно она проживала волнующее развитие отношений, а так как действительность почти не давала для этого пищи, неразделенное чувство питалось крохами воспоминаний о прежних разговорах и встречах. Она страдала и в январе 1844 года вернулась в Хауорт. В письме к Эллен Насси она признавалась: «Думаю, сколь долго бы я ни прожила, я не забуду, чего мне стоило расставание с господином Эгером». Правда, еще оставалась слабая надежда: хотя бы перепиской продолжать дорогие ей отношения.

«...Я не прошу Вас писать мне часто, потому что боюсь надоест Вам своими письмами... Непременно, как только я заработаю достаточно денег, чтобы приехать в Брюссель, я приеду и опять, хотя бы на мгновение, встречу с Вами» (июль 1844).

«...Мсье, беднякам немного нужно для пропитания, они просят только крошек, что падают со стола богачей. Но если их лишить этих крох, они умрут с голода. Мне тоже не надо много любви со стороны тех, кого я люблю. Я не знала бы, что делать с дружбой, принадлежащей мне целиком, мне одной, я к этому не привыкла, но Вы проявили ко мне небольшой интерес, когда я была Вашей ученицей в Брюсселе, и я упорно хочу сохранить этот интерес — я цепляюсь за него, как бы цеплялась за жизнь» (8 января 1845).

«...простите меня, мой дорогой Учитель, — пусть не раздражает Вас моя печаль, ибо, как сказано в Библии: «от полноты сердца уста глаголют», и мне действительно трудно быть веселой, если я думаю, что больше никогда Вас не увижу... Ш. Б.» (18 ноября 1845?).

На полях этого письма ее учитель записал фамилию своего сапожника...

Возможно, господин Эгер тоже находил некую прелесть в отношениях Учителя и Ученицы, но такие отношения были столь невинны, что мадам Эгер принимала их как должное. Иное дело — «мисс Шарлотта». Она его любила. К тому же она не могла, да и не хотела, очевидно, скрывать свои чувства: их отношения — высшего порядка, они имеют право существовать независимо от того, женат мосье или нет. Он, однако, полагал иначе. Господин Эгер (между прочим, католик) был очень строг в вопросах нравственного долга, а кроме того, очевидно, любил жену и не хотел доставлять ей беспокойства приватной перепиской. Поэтому ответом на жалобы и мольбы Шарлотты было мучительное молчание. Наверное, если бы она могла оставить Хауорт, перемена места смягчила бы эту сердечную муку. Решительная Мэри Тэйлор собиралась эмигрировать в Новую Зеландию и звала ее с собой. Но Шарлотта была старшая, она должна вести дом, чтобы ничто не нарушало комфорт и покой «папы». Итак, она осталась дома, откуда посылала Эллен Насси тоскливые письма: «...Жизнь уходит, и скоро мне будет тридцать, но я еще ничего не сделала... а я жажду путешествовать, работать, жить деятельной жизнью».

Однако Шарлотта Бронте не принадлежала к числу людей, готовых подчиниться разочарованию и безнадежности. Однажды, осенью 1845 года, она случайно обнаружила тетрадь со стихами. Это был почерк Эмили. Стихи были жестки, лаконичны и неподдельно искренни, а главное — исполнены особой *«музыки... дикой, меланхолической и возвышенной»*. Анна тоже писала стихи. Были стихи и у Шарлотты. Так почему бы им не опубликовать поэтический сборник? Было решено печататься под мужскими псевдонимами. Фирма «Эйлот и Джонс» согласилась издать «Стихотворения Керрера, Эллиса и Эктона Беллов» за авторский счет, и в конце мая 1846 года небольшой сборник вышел в свет, а уже в июне в литературно-критическом журнале «Атенеум» появился благосклонный отзыв, причем высокой похвалы удостоился Эллис Белл (Эмили), «беспокойный дух» которого произвел на свет «столь оригинальные стихотворения». Ободренная первым общим успехом, Шарлотта снова обратилась к господам Эйлоту и Джонсу: не заинтересует ли их проза «братьев Беллов»? Она имела в виду свой первый роман «Учитель», а также «Грозовой перевал» Эмили и «Эгнес Грей» Анны.

«Учитель» доставил Шарлотте много огорчений и был опубликован только после ее смерти...

В истории любви молодого учителя Уильяма Кримсуорта и его ученицы Фрэнсис Анри, а также в отношениях Зораиды Рейтер, директрисы пансиона для девочек, и преподавателя литературы г-на Пеле много автобиографических деталей, но еще больше позаимствовано из отношений воображаемых. Пережив увлечение Зораидой, которая поздним вечером принимает у себя Пеле, Уильям обращает внимание на скромную, но очень способную иностранку Фрэнсис Анри, которая наделена одухотворенной привлекательностью и выгодно отличается целомудренной сдержанностью от других пансионеров, уже «развращенных» католической вольностью нравов. Коллизия завершилась счастливым браком учителя и ученицы, однако роман был единодушно отвергнут всеми издателями, к которым обращалась Шарлотта: в нем не было ничего таинственного и мелодраматичного, а героиня к тому же была некрасива, более того, полемически некрасива. Фрэнсис не обладала ни привычными для читателей шелковистыми локонами (предпочтительно золотистого цвета), ни коралловыми устами, и автор не стремился сгладить некрасивость героини голубиной кротостью характера или обаянием женственности. Фрэнсис была олицетворением «красоты *трудной*» (как называл это качество С. Т. Кольридж), которую надо постичь за ничем не примечательной внешностью (как тут, кстати, не вспомнить другой образец «трудной красоты» — некрасивую и прекрасную княжну Марью Льва Толстого?)...

Однако неудача Шарлотту не сломила. Все еще упорствуя и пересылая злосчастного «Учителя» от издателя к издателю, радуясь успеху сестер — и «Грозовой перевал», и «Эгнес Грей» были приняты к публикации, — она тоже возымела надежду. Издатели Смит и Элдер, как и прочие, возвратили ей «Учителя», но с мотивированным объяснением, а главное — они распознали в «Керрере Белле» несомненный литературный дар и сообщили, что с интересом ознакомятся с его новым произведением.

24 августа 1847 года Шарлотта Бронте выслала им рукопись романа «Джейн Эйр». 16 октября того же года он увидел свет. Это был успех — быстрый, ошеломительный, грандиозный. Иначе и быть не могло: роман был написан с таким напряжением страсти, с такой силой искренности, что это не могло не взволновать читателя. Потрясали сцены жизни и учения маленькой Джейн в «Ловудском благотворительном заведении для бедных девиц», основой для которых послужил тяжкий, а для Марии и Элизабет убийственный опыт обучения в пансионе Коуэн-Бридж. Одиннадцатая же глава романа переносила читателя в область само-

го увлекательного романтического вымысла. Теперь Джейн Эйр, молодая, сильная духом гувернантка, отстаивает свое человеческое достоинство в постоянном единоборстве воле, характеров, представлений о жизни с тем человеком, которого она полюбит и который полюбит ее.

Роман был прекрасно написан. Суховатые и сдержанные, «графические», ловудские главы сменялись торнфильдской частью романа с ее нервно пульсирующим стилем, который так соответствовал нарастающей страсти Рочестера и Джейн.

...Еще до начала работы над романом Шарлотта как-то упрекнула сестер: зачем их героини красивы? «Но ведь иначе читателя не привлечешь», — ответили Эмили и Анна. «Вы ошибаетесь, — сказала Шарлотта. — Хотите, моя героиня будет некрасивой внешне, но по-человечески настолько интересной, достойной и привлекательной, что ее непременно полюбят?» И в «Джейн Эйр» ей это прекрасно удалось. Конечно, у Шарлотты уже был некоторый опыт создания образа «трудной красоты» — Фрэнсис Анри. Но «заставить» Рочестера, этого «бывшего» Заморну, страстно полюбить не роскошную красавицу Бланш Ингрэм, а некрасивую маленькую гувернантку, всегда в черном, всегда серьезную и печальную, и *убедить* читателя в подлинности, искренности и непреложности такой любви, убедить его и в том, что Джейн Эйр, в которой воплотилось представление Бронте о силе духа и непреклонной воле неимущей, но гордой девушки, неспособной пойти на компромисс с совестью ради богатства и роскоши, — для этого надо было обладать действительно замечательным мастерством.

Шарлотта Бронте могла бы завершить роман вполне реалистическим финалом: Джейн уезжает с Сент-Джоном Риверсом в Индию, чтобы заняться миссионерской деятельностью. Это было бы так в духе времени. Такой финал, возможно, примирил бы некоторых критиков с романтической торнфильдской интерлюдией, с ее борениями любви и гордости. Однако было в романе «Джейн Эйр» еще одно качество, вызвавшее негодование рецензентов: так, уважаемый журнал «Квотерли ревью» объявил роман «прежде всего и абсолютно антихристианским сочинением», ибо «в книге чувствуется гордыня и настойчиво утверждаются права человека». Да, мир Шарлотты Бронте был миром не только чувственных, но и мятежных страстей. Ее героиня не желала жить по-старому, покорясь воле тех, кто богаче ее и сильнее. «Вы думаете, я стерплю, когда у меня изо рта вырывают кусок хлеба, отнимают последнюю каплю живой воды из чаши моей?» — бросает она

в лицо Рочестеру, которому вздумалось довольно зло подшутить над ее любовью...

«Джейн Эйр» опередила на год романы Эмили и Анны.

Элизабет Гаскелл в «Жизни Шарлотты Бронте» (1857) отмечала, что «Грозовой перевал» «вызвал отвращение у многих читателей той выразительностью и силой, с которой были изображены дурные и непохожие на обычных смертных персонажи». Да, роман Эмили действительно было трудно воспринять в его художественном своеобразии, но в XX веке удивительную силу «Грозового перевала» ощутили вполне. Впрочем, и Гаскелл причислила его к «гениальным творениям», хотя и не совсем охотно, потому что ее ставила в тупик почти садистская жестокость Хитклифа, который, говоря словами нашего поэта, «весь мир возненавидел», чтобы «любить сильнее» свою Кэтрин. Поэтому «Атенеум», довольно высоко оценивший романтическую поэзию «Эллиса Белла», характеризовал роман как «неприятную историю, рассказывающую о болезненном и исключительном, делающую акцент на актах физической жестокости, созерцание которых отвращает истинный вкус». Критик, однако, ни словом не обмолвился о той моральной силе и мудрости, которые в романе «Грозовой перевал» неизменно противостоят жестокости, своенравию, коварству и безумию главных героев, а это — разумное и справедливое отношение к происходящему служанки Нелли Дин. Она осуществляет суд совести над всеми поступками героев романа, и этот суд суров и всегда неподкупен...

Кстати, нельзя не отметить, что романтическое повествование Эмили Бронте, где дается простор самой причудливой фантазии, где стенают и бродят по вересковой пустоши привидения, а главный герой воплощает темное, бесовское начало, — иногда производит впечатление большего знания подлинной жизни, чем торнфилдские сцены и финал «Джейн Эйр». Силой своего таланта Шарлотта Бронте заставляет нас поверить в любовь Рочестера и Джейн и сделать правдоподобным счастливый конец романа. А вот в «Грозовом перевале» стихийные, роковые страсти Хитклифа и Кэтрин, невозможность им соединиться, предательство Кэтрин по отношению к Хитклифу объясняются весьма прозаически: ее дворянским снобизмом. Безродному Хитклифу она предпочитает богатого Эдгара Линтона, потому что теперь, как говорит Кэтрин осуждающей ее Нелли Дин, она «станет первой дамой в долине».

По отношению к роману «Эгнес Грей» современная критика была неодобрительна, да и сейчас нередко можно слышать, что

произведение это заслуживает внимания главным образом как компонент общей картины творчества сестер Бронте. Невольно начало этой традиции недооценки положила сама Шарлотта, преклонявшаяся перед «гением» Эмили, но весьма снисходительно оценивавшая творчество младшей сестры, очевидно и потому, что Анна предпочитала держаться почвы реальности и к полетам фантазии относилась довольно иронично. Анна Бронте мужественно и достойно шла тяжким путем — служила гувернанткой, до самого конца своей короткой жизни оставаясь «наемницей», как с горечью называла себя ее Эгнес Грей. Как ее любимая сестра, Анна спустя пять месяцев после смерти Эмили умерла от туберкулеза. Буквально накануне Анна закончила второй роман, «Хозяйка Уайлдфелл-холла», который критики потом нарекли «жоржсандовским». Трудно сказать, в каком направлении развивался бы талант Анны Бронте, возможно, и она бы заняла в английской прозе такое же видное место, как старшие сестры, если бы не безвременная смерть, но стойкостью духа она им не уступала.

«Мужайся, Шарлотта, мужайся», — были ее последние слова. А Шарлотте Бронте, несмотря на литературный успех, после смерти сестер и неудачника брата, действительно требовались все силы ее незаурядной души и мужество таланта, чтобы переплавить горечь утраты в творческую энергию.

В 1849 выходит ее роман «Шерли». В его героинях, следуя долгу любви, она воплощает образы сестер, трагически умерших в расцвете таланта. Так, в Шерли Килдар отразились некоторые черты загадочной натуры Эмили, а для Кэролайн Хелстон прототипом послужила Анна.

К этому времени, хотя Шарлотта и привыкла в письмах к издателям называть себя и сестер псевдонимами, обнаруживается тайна ее авторства. Друзья — Эллен Насси и Мэри Тэйлор — гордятся ею, мисс Вулер, опасаясь, что писательство может повредить репутации бывшей ученицы, спешит ее заверить, что, во всяком случае, она «не изменит к ней прежнего отношения». Крестная Шарлотты была шокирована открытием, что крестница пишет, и прервала с ней отношения. Зато появились новые друзья — общественная деятельница Гарриэт Мартино, писательница Элизабет Гаскелл, издатель Джордж Смит. Шарлотта принимает его предложение посетить Лондон. Смит и его мать оказывают Шарлотте Бронте самый радушный прием и знакомят ее с Теккереем, на которого она произвела очень благоприятное и трогательное впечатление.